

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии**

Книга 47

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 47 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 298 с.

ISBN 978-5-458-04696-1

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04696-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

22-го минувшаго марта Московское Психологическое Общество понесло тяжелую утрату. Скончался его основатель, первый председатель и почетный членъ Матвѣй Михайловичъ Троицкій. Московское Психологическое Общество будетъ свято хранить память о томъ, кому обязано оно своимъ возникновеніемъ, а черезъ это и всѣмъ, что Обществу удалось сдѣлать при помощи объединенія философскихъ силъ Россіи на поприщѣ учено-литературной дѣятельности.

М. М. Троицкій.

(† 22 марта 1899 г.).

Въ 6 часовъ утра 22-го марта скончался заслуженный ординарный профессоръ Московскаго университета, основатель, первый предсѣдатель и почетный членъ Московскаго Психологическаго Общества, Матвѣй Михайловичъ Троицкій *).

Въ его лицѣ сошелъ въ могилу первый и до сихъ поръ наиболѣе видный представитель англійской эмпирической философіи въ Россіи, первый у насъ пропагандистъ и признанный глава этого направленія. М. М. олицетворялъ въ себѣ героическій періодъ этого умственнаго движенія на русской почвѣ—тотъ періодъ, когда оно боролось за свое существованіе и добивалось общественнаго вниманія. Борь-

*) М. М. родился 1-го августа 1835 года и былъ сынъ дьякона одного изъ сель Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи. По окончаніи курса въ Кіевской Духовной академіи, онъ получилъ степень бакалавра и преподавалъ тамъ нѣкоторое время. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ былъ посланъ министромъ народнаго просвѣщенія Головиннымъ за границу для приготовления къ профессорскому званію по философіи (одновременно съ нимъ были отправлены по той же каедрѣ М. И. Владиславлевъ и г. С. Автократовъ). По возвращеніи изъ-за границы М. М. былъ недолго профессоромъ философіи въ Казани, потомъ 8 лѣтъ въ Варшавѣ и, наконецъ, съ 1875 г. въ Москвѣ.

Въ числѣ сочиненій М. М. Троицкаго, кромѣ отчетовъ о заграничной командировкѣ, ряда статей и гимназическаго учебника логики, есть три большихъ, капитальныхъ сочиненія: докторская диссертация „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи“ (1867 г., 2-е изд. 1883 г. въ 2 томахъ); „Наука о духѣ“, 2 тома, 1882 г. и „Учебникъ логики“, книги I, II и 1-й выпускъ III книги (1885—1888).

ба давала тонъ дѣятельности первыхъ пионеровъ этого умственного теченія, и такимъ именно человѣкомъ умственной борьбы былъ, особенно въ первое время своей учено-литературной и профессорской дѣятельности, М. М. Троицкій. Какъ профессоръ, онъ пропагандировалъ свои идеи въ стѣнахъ университета; какъ писатель, онъ обращался ко всему русскому обществу.

Узнать М. М., какъ профессора, пишущему эти строки удалось впервые въ 1888 году, когда М. М., по возвращеніи изъ двухгодичной поѣздки за границу, открылъ курсъ логики. О томъ, что М. М. интересно читаетъ, мы знали уже отъ нашихъ старшихъ товарищей, и хотя курсъ М. М. былъ не обязательный *), на первую же лекцію собралось довольно много студентовъ. И сколько собралось на первую, столько же было и на послѣдней... М. М. обладалъ умѣньемъ приковывать вниманіе слушателей. Достигалъ онъ этого, на первый взглядъ, очень просто: онъ необыкновенно ясно и отчетливо излагалъ всякій вопросъ, котораго онъ касался, расчленялъ и анализировалъ его до его послѣднихъ элементовъ. Конечно, это была та простота, которая такъ трудно дается людямъ, которая требуетъ и полного обладанія своимъ предметомъ, и безусловной опредѣленности и точности мысли и выраженій. М. М. дѣлалъ свою рѣчь интересной не какими-либо внѣшними эффектами,—въ его лекціяхъ не было ни разчетливо построенныхъ антитезъ, ни блестящихъ сравненій и метафоръ (къ этого рода украшеніямъ М. М., повидимому, чувствовалъ прямое нерасположеніе, какъ этого и слѣдовало ожидать отъ человѣка съ глубоко аналитическимъ умомъ: синтетическія „фигуры рѣчи“ мѣшаютъ анализу), ни отдѣльных остроумныхъ соображеній и фразъ, ни неожиданныхъ разстано-

*) Въ то время изъ программы преподаванія философскихъ наукъ на историко-филологическомъ факультетѣ были вовсе исключены (какъ обременявшія студентовъ умственной работой и отнимавшія время отъ занятій латинскими и греческими авторами и экстемпораліями) и логика, и психологія, и вся исторія философіи, кромѣ Платона и Аристотеля.

вокъ словъ и паузъ,—словомъ, ничего эффектнаго. И между тѣмъ, его изложеніе было превосходно: оно захватывало вниманіе слушателей необыкновенной, кристальной ясностью, стройностью, систематичностью, силой и глубиной анализа. Лишь изрѣдка вставлялъ М. М. какую-нибудь ироническую фразу по адресу своихъ философскихъ противниковъ: аудиторія на мгновеніе улыбалась, но тотчасъ же опять была готова слѣдить дальше за аналитической работой профессора.

М. М. вообще придавалъ большое значеніе умѣнью хорошо излагать; о тѣхъ, кто выражался темно и запутанно, онъ говорилъ, что неясность выраженія служитъ вѣрнымъ признакомъ туманности мысли, что хорошо, до конца продуманное и проанализированное нельзя выразить непонятно, невразумительно...

И дѣйствительно, самъ М. М. могъ послужить образцомъ ясности, отчетливости изложенія. Всѣ слушавшіе его соглашались съ тѣмъ, что каждая его лекція запечатлѣвалась въ памяти въ стройныхъ чертахъ и отчетливомъ обликѣ; слушатели выходили изъ аудиторіи съ сознаниемъ того, что они что-то приобрѣли, что ихъ умственный горизонтъ сталъ шире; и многіе изъ нихъ каждой слѣдующей лекціи ждали съ нетерпѣніемъ, досадуя, если нездоровье М. М. или праздникъ мѣшали ей состояться.

Профессорская дѣятельность М. М. въ Москвѣ не ограничивалась однимъ историко-филологическимъ факультетомъ: передъ его кафедрой прошелъ еще рядъ выпусковъ юристовъ, такъ какъ М. М. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ читалъ и на юридическомъ факультетѣ исторію философіи права.

Какъ ученый и писатель, М. М. первый познакомилъ русское общество съ англійской и шотландской философіей; до того времени русская философская мысль развивалась почти исключительно на почвѣ нѣмецкой и отчасти французской философіи. Докторская диссертация М. М. „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи“ (1867 г.) произвела необыкновенно сильное впечатлѣніе на русскую

читающую публику; для очень многих она явилась настоящим откровением, указав им целое научно-философское направление, о котором раньше почти ничего не знали; во многих она навсегда поселила интерес и симпатию к „эмпирическому идеализму“, „идеалистическому позитивизму“, „феноменизму“, „ассоциационизму“, или как бы там ни называли то философское направление, которого представителем был проф. Троицкий.

Локк и Юм, Д. С. Милль и А. Бэнъ, а затѣмъ вообще представители ассоциационной психологии и теории познания— вотъ тѣ мыслители, къ которымъ примыкалъ въ своихъ воззрѣнiяхъ М. М. Въ нихъ преимущественно видѣлъ онъ вождей того великаго умственного движенiя, которое оторвало мышленiе новаго времени отъ среднихъ вѣковъ—отъ догматизма, господства авторитета, отъ смѣшенiя непознаваемого съ познаваемымъ, которое заставило человѣчество сознательно отнестись къ своему философствованiю, подорвало наивную вѣру во всемогущество человеческого ума. Именно эти мыслители поддерживали традицию настоящей, единственно здравой „критической философи“... Это движенiе зародилось, съ одной стороны, въ той критикѣ средне-вѣковой схоластики, съ которою связалъ свое имя Фр. Бэконъ, а съ другой—въ успѣхахъ новаго естествознанiя. Локкъ, самъ врачъ по профессii, прилагаетъ и къ изученiю человеческого духа методъ естествознанiя, дававшiй чуть не каждый день такiе богатые результаты въ естественно-научныхъ трудахъ Лондонскаго Королевскаго Общества. Онъ старается объяснить генетически всякiй фактъ духовной жизни человѣка, не предполагая заранѣе даннымъ, готовымъ ничего, кромѣ, конечно, нѣкоторыхъ функций духа, закономѣрная работа которыхъ и образуетъ внутреннiй и внѣшнiй „опытъ“. Здѣсь именно, въ этомъ великомъ научномъ движенiи, начавшемся въ Италii, давшемъ тамъ Галилея, и завершившемся въ Англии Ньютономъ, видѣлъ М. М. настоящiй исходный пунктъ здравой философи.

Однако, Локкомъ не закончилось развитiе основныхъ

положений этой школы: великий Юм повелъ анализъ дальше, наложивъ на постановку философскихъ проблемъ столь рѣзкую печать своего гения, что ея не сотретъ все дальнѣйшее ихъ развитіе. Джемсъ Милль, Дж. Ст. Милль, А. Бэнъ и другіе мыслители послѣ Юма разрабатывали спеціальные вопросы философіи, трудились надъ созданиемъ эмпирической логики и психологіи, но въ общемъ своемъ міровоззрѣніи примыкали непосредственно къ Юму.

Съ этой точки зрѣнія для М. М. представлялось печальнымъ отклоненіемъ, грустной абберраціей человѣческаго ума возникновеніе, на почвѣ анализовъ Юма, философіи Канта, снова водворившей въ теоріи познанія господство апріорнаго, первичность чего-то независимаго отъ опыта. Стремленіе Канта критиковать познаніе, не изучивъ его генезиса, дать теорію познанія, не опирающуюся на психологію, казалось М. М. страннымъ, произвольнымъ, невозможнымъ. Вообще къ Канту М. М. чувствовалъ прямое нерасположеніе. Указывая на Рида, какъ на прообразъ Канта, М. М. видѣлъ и въ англійскомъ философѣ „здраваго смысла“, и въ родоначальникѣ нѣмецкой философіи XIX в. людей, испугавшихся теоретико-познавательнаго радикализма Юма, не понявшихъ всего огромнаго значенія теорій этого мыслителя и пытавшихся „спасти“ отъ его критики свои безотчетныя вѣрованія, свои теоретическіе принципы, свои практическіе идеалы, объявивъ ихъ присущими самой организациіи человѣческаго ума, чѣмъ-то независящимъ отъ опыта, стоящимъ выше его: имъ казалось, что достоинству этихъ принциповъ и идеаловъ прилично именно такое ихъ происхожденіе. Въ этомъ М. М. видѣлъ проявленіе самой вредной для научнаго мышленія тенденціи — тенденціи смѣшивать теоретическое изученіе съ постановкой практическихъ идеаловъ, склонности принимать свои мечты, свои надежды за объективную дѣйствительность. *Въ теченіе процесса изученія* теорія должна быть совершенно независима отъ практики; ихъ тѣсное взаимодействіе законно только раньше и позже теоретическаго изслѣдованія: раньше та-

кового практика ставить вопросы для изучения, послѣ—она примѣняетъ его результаты. Противоположная тенденція одинаково вредна и для безпристрастнаго изученія дѣйствительности, искажаемой принятіемъ „желательнаго“, „должнаго“ за существующее, и для самой практики, которой приходится опираться на искаженную, ложную теорію. Въ этомъ вредномъ смѣшеніи своихъ личныхъ чаяній съ дѣйствительностью, въ этомъ искаженіи научной истины для послѣдшаго обоснованія своихъ (безспорно, очень возвышенныхъ) идеаловъ М. М. считалъ Канта болѣе, чѣмъ только заподозрѣннымъ... Истина—вся и какова бы она ни была,—таково было первое требованіе, которое М. М. считалъ необходимымъ предъявлять къ наукѣ вообще, и къ философіи въ частности. Самые идеалы *наука*, какъ таковая, должна изучать генетически: первое и основное дѣло науки—анализъ, полное, точное и нелицепріятное изученіе дѣйствительности. *Исходныя точки* теоріи и практики совершенно различны: исходная точка теоріи—дѣйствительность, какова она есть, или, точнѣе, какъ она объективируется въ своихъ независящихся отъ воли человѣка чертахъ; исходная же точка практики—человѣческая личность, ея запросы и нужды, ея благо и страданіе, ея чаянія и надежды. Эти надежды, эти практическія требованія должны опираться на результаты изученія дѣйствительности; они должны строиться лишь тогда, когда теоретическій процессъ уже совершенно законченъ, строиться на основаніи нелицепріятныхъ показаній теоріи. Это воззрѣніе (раздѣляемое, конечно, не однимъ М. М., но для него имѣвшее особенно большое значеніе) даетъ намъ ключъ къ пониманію отношенія М. М. къ „метафизикѣ“ — въ томъ смыслѣ, который обычно придаютъ этому термину. Онъ вовсе не былъ ея „врагомъ“, ея полнымъ и безусловнымъ отрицателемъ: онъ не допускалъ только одного: чтобы категорія „практики“ въ какой бы то ни было степени вліяла на выводы научнаго изученія, чтобы объявлялись безспорными догмами такія положенія, которыя всего только возможны, бо-

фактовъ, называемыхъ *чувствомъ, умомъ и волею*... Недостатокъ такого рода психологическихъ работъ заключается прежде всего въ томъ, что онѣ не проливаютъ яснаго свѣта на тотъ синтезъ психическихъ фактовъ, который называется *личностью* *)). И М. М. настойчиво указывалъ въ томъ курсѣ психологіи, который намъ пришлось слушать, что ближайшею настоятельною задачей психологіи являются именно такого рода изслѣдованія.

Для распространенія въ русскомъ обществѣ психологическихъ и философскихъ интересовъ и познаній, М. М. задумалъ основать и основалъ при Московскомъ университетѣ первое въ Россіи ученое общество философскаго характера—Московское Психологическое Общество. Назвавъ его не „Философскимъ“, а „Психологическимъ“, онъ, несомнѣнно, хотѣлъ подчеркнуть свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что основой всѣхъ философскихъ теорій и построений въ настоящее время должна быть психологія (въ широкомъ смыслѣ, какъ теорія познанія), а не онтологія,—научное изученіе и анализъ содержанія сознанія или опыта, а не независимыя отъ субъекта и его опыта положенія относительно бытія. Въ то же время М. М. настаивалъ и на томъ важномъ значеніи, какое имѣетъ психологія, въ качествѣ основы другихъ наукъ: для логики, этики, эстетики, философіи права, педагогики, для наукъ общественныхъ. При этомъ надо замѣтить, что если эти науки черпаютъ свои основныя теоретическія послылки изъ психологіи, то, въ свою очередь, и психологія нуждается въ томъ матеріалѣ и въ тѣхъ обобщеніяхъ, изъ которыхъ складываются эти науки: между ними и психологіей есть и должно быть извѣстное взаимодействіе.

На этомъ-то основаніи М. М., какъ онъ самъ говорилъ, и пригласилъ въ число членовъ-учредителей Психологическаго Общества представителей тѣхъ кафедръ Московскаго университета, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ за-

*) Учебникъ логики, кн. III, вып. I, стр. 78.

дачамъ психологіи, какъ ихъ понималъ М. М. Такъ, мы видимъ здѣсь профессоровъ: математики (Н. В. Бугаева), антропологіи (Д. Н. Анучина), зоологіи (А. П. Богданова и С. А. Усова), физиологіи (Ө. П. Шереметевскаго), психіатріи (А. Я. Кожевникова), судебной медицины (В. А. Легонина), различныхъ отраслей обществовѣдѣнія (Н. А. Звѣрева, М. М. Ковалевскаго, Г. Е. Колоколова, С. А. Муромцева и А. И. Чупрова), сравнительнаго языковѣдѣнія (В. Ө. Миллера и Ф. Ө. Фортунатова), наконецъ, исторіи литературы (Н. И. Стороженка). Этимъ М. М. хотѣлъ подчеркнуть всю широту тѣхъ задачъ, которыя онъ ставилъ Психологическому Обществу.

Таковы заслуги М. М. въ исторіи русской психологіи и философіи. Явившись пионеромъ новаго умственнаго движенія, онъ вызвалъ болѣе или менѣе рѣшительную оппозицію со стороны представителей старыхъ, укоренившихся у насъ учений, самъ боролся и испытывалъ натискъ противниковъ. Эта борьба отражалась и на его воззрѣніяхъ и оцѣнкахъ: въ нихъ недоставало иногда исторической перспективы. М. М. не всегда и не во всемъ былъ справедливъ къ своимъ философскимъ противникамъ; онъ игнорировалъ иногда ихъ наиболѣе сильныя стороны и не становился на ихъ точку зрѣнія.

М. М. много сдѣлалъ для насажденія философскихъ наукъ въ Россіи *), и то философское направленіе, котораго

*) Прибавимъ еще, что М. М. былъ въ 60-хъ годахъ (на-ряду съ П. Д. Юркевичемъ, М. И. Владиславлевимъ, Г. Е. Струве и С. С. Гогоцкимъ) однимъ изъ „возстановителей“ въ русскихъ университетахъ философіи вообще (и свѣтской, въ частности) послѣ разгрома, постигшаго эту каедру въ 1850 г., когда, по Высочайшему повелѣнію, въ виду „предосудительнаго развитія этой науки германскими учеными“, преподаваніе исторіи философіи, этики, теории познанія и метафизики было вовсе прекращено, а чтеніе логики и опытной психологіи поручено духовнымъ лицамъ—профессорамъ богословія (они же священники университетскихъ церквей). Позже къ этимъ возстановителямъ философіи присоединился А. А. Козловъ, въ 1876 г. получившій каедру въ Кіевѣ. Большинство дѣйствующихъ теперь профессоровъ и вообще представителей философіи въ университетахъ — ученики того поколѣнія. Такъ, А. И. Смирновъ, Ө. А. Зеленогорскій, А. Н. Гиляровъ

онъ былъ главою, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи никогда не забудетъ того, чѣмъ оно обязано М. М. Однако, и представители другихъ философскихъ теченій должны будутъ, если хотятъ быть справедливыми, признать его заслуги передъ философіею, какъ она развивалась на русской почвѣ. Философія обладаетъ одною (кто скажетъ—печальною, а кто—неизбѣжною и неотъемлемою) особенностью: въ ней до сихъ поръ въ гораздо большей степени, чѣмъ, напримеръ, въ естествознаніи, пользуются признаніемъ *школы*, враждебныя одна другой и считающія свои ученія несогласимыми другъ съ другомъ въ самыхъ существенныхъ пунктахъ. Надо замѣтить, однако, что въ послѣднее время школы эти все больше и больше сближаются, вырабатывается рядъ общепризнанныхъ ученій, теорій, мнѣній. Въ этомъ общемъ достояніи всѣхъ школъ уже и теперь очень видное мѣсто занимаютъ теоріи, выработанныя „эмпирическою“ философіею; а съ теченіемъ времени значеніе этого элемента будетъ еще возрастать. И вотъ, этотъ важный элементъ общаго философскаго міросозерцанія имѣлъ у насъ главнаго защитника въ лицѣ Матвѣя Михайловича.

Миръ праху его! Пусть же хоть теперь, за гробомъ, найдеть онъ болѣе полную, болѣе безпристрастную оцѣнку своихъ заслугъ и трудовъ, чѣмъ та, какую онъ встрѣчалъ въ теченіе второй половины своей учено-литературной дѣятельности! На его ученикахъ и послѣдователяхъ лежитъ долгъ выяснитъ точные размѣры того, что сдѣлалъ Матвѣй Михайловичъ для русской психологической и философской науки.

Вл. Ивановскій.

А. П. Казанскій, А. С. Бѣлкинъ—ученики М. М. Троицкаго; Н. Я. Гротъ, Александръ П. Введенскій, Н. Н. Ланге—ученики М. И. Владиславева; къ П. Д. Юркевичу примыкаетъ Вл. С. Соловьевъ, а черезъ него Л. М. Лопатинъ и кн. С. Н. Трубецкой.